

**В.А. Фляксбергер**

**Материалы к истории  
гносеологии**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 101  
ББК 87  
В11

В11 **В.А. Фляксбергер**  
Материалы к истории гносеологии / В.А. Фляксбергер – М.: Книга по Требованию, 2024. –  
115 с.

**ISBN 978-5-458-54399-6**

**ISBN 978-5-458-54399-6**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2024  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



## ЧАСТЬ I-ая ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ.

---

### ГЛАВА I.

#### Критицизмъ и гносеологія.

1. Годъ смерти великаго метафизика Гегеля—1831—знаменуетъ собой рѣзкій и чреватый послѣдствіями поворотъ въ движеніи философской мысли.

Хотя послѣ 1831 года и появлялись метафизическія системы блещущія глубиной анализа и творческимъ синтезомъ, однако онѣ начинаютъ мало-по-малу уступать мѣсто интересамъ гносеологическимъ, и можно безъ колебаній сказать, что настоящее состояніе философій, по крайней мѣрѣ въ области „чистой мысли“, характеризуется, на ряду съ угасаніемъ метафизическаго творчества и разработкой отдѣльныхъ философскихъ дисциплинъ и проблемъ, главнымъ образомъ преобладаніемъ гносеологіи надъ другими отдѣлами философій, а преподаваніе послѣдней, по крайней мѣрѣ въ классической странѣ ея — Германіи, сплошь проникнуто гносеологическимъ духомъ.

Причиной такого преобладанія являются главнымъ образомъ крушеніе метафизическихъ построеній послѣ Гегеля, превратившаго весь міръ живой дѣйствительности въ міръ

„самодвиженія чистой абсолютной идеи”, затѣмъ критическая философія Канта, и въ третьихъ — ростъ и прогрессъ психологіи, а въ связи съ ними или какъ слѣдствіе ихъ — необходимость пересмотра проблемъ познанія, какъ съ точки зрѣнія психологическихъ воззрѣній Локка, Юма и современной психологіи, такъ и съ точки зрѣнія гносеологіи Канта. Въ свою очередь ростъ естественныхъ наукъ оказалъ не малое вліяніе на разработку проблемъ познанія: мы имѣемъ здѣсь въ виду біологическія и фізіологическія теоріи познанія. Признавая, что этими причинами не ограничиваются всѣ мотивы и импульсы гносеологизма современной философіи, мы тѣмъ не менѣе для нашей цѣли — выясненія сущности и значенія психологизма — остановимся только на нихъ. Такимъ образомъ въ вышеуказанномъ порядкѣ причинъ преобладанія гносеологизма, намъ предстоитъ прежде всего выяснить сущность критицизма и его отношеніе къ гносеологическимъ проблемамъ. Въ виду такой поставленной нами цѣли, само собой понятно, намъ придется обойти молчаніемъ метафизику Гегеля.

## 2. *Гносеологія Канта.*

Файгингеръ въ своемъ „Комментаріи къ „критикѣ чистаго разума” очень подробно перечисляетъ, за кого считали и считаютъ теперь философа Канта. Именно, въ § 13 своихъ „Комментарій” носящемъ заглавіе „Различныя воззрѣнія на основной характеръ „Критики чистаго разума” (стр. 59—70 нѣмецкаго изданія) Файгингеръ приводитъ слѣдующія мнѣнія о Кантѣ: одни считаютъ его Лейбниціанцемъ, другіе Локкіанцемъ, одни считаютъ его скептикомъ, другіе — эмпиристомъ; говорятъ о Кантѣ какъ о матеріалистѣ, пантеистѣ, феноменалистѣ, мистикѣ, критическомъ этицистѣ (Шааршмидтъ), спинозистѣ, нуристѣ (словарь Шмида), иллюзионистѣ (Гартманнъ), и т. д. и т. д. — Не говоря уже о томъ, что не имѣетъ никакого смысла, въ виду сложности и богатства различныхъ построеній одного и того же философа, часто еще находящихся во внутреннемъ противорѣчій, что замѣчается и у Канта, характеризовать систему философа той или иной кличкой съ окончаніемъ на „измъ” или „истъ”, —

такая характеристика всегда вредить пониманію истиннаго смысла системы. Но возможно-ли установить вообще истинный смыслъ системы? Вѣдь самое-то пониманіе смысла системы часто зависитъ отъ излюбленныхъ вкусовъ самого цѣнителя данной системы. На этотъ вопросъ приходится отвѣтить такъ: при оцѣнкѣ и выясненіи истиннаго смысла системы лучше всего обратиться къ самому творцу системы и установить, какъ онъ самъ смотрѣлъ на свою систему, и что онъ самъ хотѣлъ ею сказать. Не такъ поступаютъ цѣнители Канта. *Volkelt* въ своемъ сочиненіи „*Kants Erkenntnisstheorie*“ (Lpz. 1879) напр. хочетъ понять Канта лучше, чѣмъ Кантъ самъ себя понималъ, (стр. IV „*Kant besser verstehen, als er selbst sich verstanden hat*“), и это потому, по мнѣнію Фолькельта, что Кантъ недостаточно ясно сознавалъ „движущія силы собственнаго мышленія“, у него были „безсознательные руководящіе принципы мышленія“; какъ бы справедливъ ни былъ Фолькельтъ въ этомъ взглядѣ на Канта, однако такое изложеніе философіи его не достигаетъ цѣли: это не изложеніе, а критика системы.

Не касаясь другихъ такихъ сомнительныхъ изложеній, сопоставимъ взгляды современныхъ мыслителей на Канта съ собственнымъ взглядомъ Канта на самого себя. Сущность философіи его понимается теперь какъ: 1) оправданіе математики, 2) ограниченіе познанія опытомъ, 3) гносеологическій методизмъ, 4) психологическій методизмъ.

Изъ этихъ 4 пунктовъ теоретической философіи Канта 3 первыхъ мы считаемъ правильными, а четвертый — неправильнымъ, если обратиться къ собственнымъ словамъ Канта. Въ связи съ этими тремя пунктами находится проблема „данности“ и проблема „предметности“; послѣднія двѣ проблемы находятся теперь въ центрѣ гносеологическихъ изысканій, какъ наиболѣе связанныя съ критицизмомъ и логическими изслѣдованіями. Третья и четвертая указанныя выше проблемы называются еще иначе „трансцендентально-логическимъ истолкованіемъ и психологическо-генетическимъ и феноменалистическимъ пониманіемъ Канта“ (см. объ этомъ у *Мессера*

„Введеніе въ теорію познанія”). Но термина „трансцендентализмъ” мы будемъ избѣгать, несмотря на то, что самъ Кантъ очень любилъ его: такъ, въ „Критикѣ чистаго разума” издатель ея Форлендеръ въ *Sach-Register* подробно перечисляетъ безконечное употребленіе этого термина Кантомъ (стр. 827—829), и несмотря на то, что многіе толкователи Канта считаютъ прямо необходимымъ трактовать о Кантѣ какъ трансценденталистѣ, какъ на примѣръ этого требуетъ *B. Bauch* въ соч. *Im. Kant* (стр. 42 ff. нѣмецкаго изданія).

Послѣ того какъ Кантъ ввелъ прочно этотъ терминъ въ гносеологію, придавъ ему вполне опредѣленный смыслъ—именно изслѣдованія объективной значимости познанія—многіе стали злоупотреблять этимъ терминомъ, при чемъ дошли до курьезовъ. Такъ, у А. И. Чехова въ комедіи „Дѣшій”—дѣйствіе I, явленіе VI, Войницкій говоритъ: „Намедни нашелъ я на столѣ ея дневникъ, но какой! Раскрываю и читаю: нѣтъ, я никогда не полюблю.. Любовь—это эгоистическое влеченіе моего я къ объекту другого пола!... И чортъ знаетъ, чего тамъ только нѣтъ? *Трансцендентально* кульминаціонный пунктъ интегрирующаго начала“! *Мюнхъ* въ „Школѣ будущаго” (стр. 191—196 русс. пер.) говоритъ о „трансцендентальномъ характерѣ современнаго образованія” т. е. о перевѣсѣ въ немъ абстрактнаго надъ конкретнымъ, формальнаго надъ матеріальнымъ, отвлеченнаго надъ предметнымъ. Далѣе, существуетъ курсъ „трансцендентальной фотографіи”. Проф. Сикорскій въ курсѣ „Вообщей психологіи” (Кіевъ 1904 г. стр. 198) говоритъ о „трансцендентальномъ мышленіи”. Такихъ искаженій истиннаго смысла „трансцендентальный” можно бы подобрать множество.

Обратимся теперь къ изложенію *Leit-motiv*’а Кантовой гносеологіи.

---



## ГЛАВА 2.

### Философія Канта, какъ методъ.

Всѣ указанныя выше проблемы Кантовой философіи, именно, оправданіе математики, ограниченіе познанія опытомъ, методизмъ, проблемы данности и предметности объединяются и базируются на главной и вѣчной основѣ Кантова мышленія -- на понятіи метода и слѣд. тѣсно связаны съ гносеологически-методологическими принципами критицизма, къ доказательству чего мы сейчасъ и обратимся. Въ „Критикѣ чистаго разума“ (цитируемъ по изданію Vorländer'a) въ предисловіи ко второму изданію ея на стр. 25 Кантъ говоритъ о задачѣ своего сочиненія такъ: „*Kritik der reinen Vernunft ist ein Tractat von der Methode, nicht ein System der Wissenschaft selbst*“. Въ связи съ этимъ находятся слѣдующія его слова на стр. 683: „среди всѣхъ наукъ разума (a priori) можно научиться только математикѣ, но не философіи, а только философствованію „höchstens nur philosophiren“. Такимъ образомъ самъ Кантъ видѣлъ центръ тяжести своей „спекулятивной философіи“, свою Grundtendenz въ методѣ. Въ чемъ же состоитъ сущность и особенность этого метода? Какъ разъ въ концѣ „Кр. ч. р.“ на стр. 697 Кантъ, разобравъ въ главѣ „Исторія чистаго разума“ различные методы философіи, приходитъ къ заключенію: „*Der kritische Weg ist allein noch offen*“. Далѣе говорится, что, если читатель въ сообществѣ Канта имѣлъ терпѣніе пройти этотъ путь, то онъ можетъ теперь судить, не могъ-ли бы онъ достигъ теперь того, чего нельзя было осуществить много столѣтій — именно полнаго удовлетворенія человѣческаго разума. Эти заключительныя слова показываютъ, что вся „Кр. ч. р.“ имѣла цѣлью изслѣдовать методъ философствованія.

Кантъ не хочетъ изслѣдовать происхожденія нашего познанія; на стр. 131 онъ говоритъ не о „*physiologische Ableitung*“, но о „*трансцендентальной дедукціи*“; для него

психологическое происхождение есть только *Gelegenheitsursache der Erzeugung*; его критическое изслѣдованіе основано на фактѣ науки, какъ этотъ фактъ находится на лицо въ напечатанныхъ книгахъ по математикѣ, естествознанію. Его изслѣдованіе—не психологія познанія; такъ, на стр. 657 Кантъ говоритъ: „я держусь какъ можно ближе понятія трансцендентальнаго и то, что здѣсь могло бы быть психологическимъ т. е. эмпирическимъ, совершенно (*gänzlich*) оставляю въ сторонѣ”.

Въ „Прологоменахъ” (цитируемъ по изданію того же K. Vorländer'a) на стр. 13 Кантъ говоритъ, что въ своемъ изслѣдованіи онъ не касается ни внѣшняго опыта, ни внутренняго, который образуетъ основу эмпирической психологіи, но познанія *a priori*, т. е. изъ чистаго разсудка (*Verstand*) и чистаго разума (*Vernunft*). Въ своей „Логикѣ” (цитируемъ по изданію W. Kinkel'я) на стр. 15 Кантъ говоритъ, что, если бы логика заимствовала свои принципы изъ психологіи т. е. изъ наблюденій надъ нашимъ разсудкомъ, то мы знали бы только, какъ мышленіе происходитъ (*wie das Denken vor sich geht*); но въ логикѣ вопросъ идетъ „не о случайныхъ, а о необходимыхъ правилахъ”. Въ связи съ этимъ необходимо упомянуть, что не разъ въ „Прологоменахъ” Кантъ говоритъ о составѣ, а не о происхожденіи познанія.

Рядъ сомнѣній вызывается всѣми этими заявленіями Канта. Самое понятіе *a priori* въ отличіе отъ *a posteriori* психологіи Кантъ отождествляетъ съ понятіемъ необходимости и строгой всеобщности. Но, справедливо спрашиваетъ М. Apel въ своемъ „Kommentar zu Kants Prolegomena” \*) стр. 50: есть-ли мысль о необходимости познанія сама необходимая мысль? Вѣдь, говоритъ онъ, „*der Gedanke der*

---

\*) Имѣется не только „Комментарій“ къ „Критикѣ чистаго разума“ Канта, но и комментарий Апеля къ „Прологоменамъ“ Канта, и общаесть выпустить „Комментарій къ логикѣ чистаго познанія Когена“—ученикъ его и послѣдователь Kinkel.

Notwendigkeit ist noch kein notwendiger Gedanke". Далѣе, вопросъ объ апіорности часто смѣшивали съ вопросомъ объ „angeboren"—о прирожденномъ, хотя самъ Кантъ въ письмѣ къ Эбергарду—Лейбниціанцу предостерегаетъ противъ подобнаго смѣшенія понятій; тамъ Кантъ говоритъ: „Die Kritik erlaubt schlechterdings keine anerschaffene oder angeborene Vorstellungen; alle insgesamt nimmt sie als *erworben an*".

Проф. А. И. Введенскій въ своей диссертациі „Опытъ построенія теоріи матеріи на принципахъ критической философіи" такъ отличаетъ апіорность отъ прирожденности у Канта: 1) прирожденные идеи внушены извнѣ, а апіорныя логически неотдѣлимы отъ сознанія, 2) реальность первыхъ должна быть нами принята на вѣру, ибо нельзя доказать, что онѣ внушены Богомъ; реальность же апіорныхъ идей вытекаетъ изъ ихъ понятія, какъ формъ сознанія; 3) апіорныя идеи имманентны, ибо ихъ значеніе ограничено опытомъ, прирожденные же идеи трансцендентны. — Нѣкоторые изслѣдователи не соглашались съ подобнымъ толкованіемъ апіорности Канта, видя здѣсь смѣшеніе понятій сознанія и познанія: вѣдь, согласно проф. А. И. Введенскому, формы сознанія *a priori* должны быть принципами познанія вещей. Проф. А. А. Козловъ въ „Своемъ Словѣ" № 5 какъ разъ ставитъ въ величайшую заслугу философіи Тейхмюллера различеніе сознанія и познанія, на чемъ зиждутся понятія субстанціи, ихъ дѣятельностей или функцій и содержаніе этихъ функцій. Такую же аргументацію противъ смѣшенія сознанія и познанія находимъ мы и у Аскольдова въ его соч. „Основныя понятія теоріи познанія и онтологіи". Далѣе, по поводу понятія апіорности Канта М. Аpeл поднимаетъ такой вопросъ: есть-ли мысль объ апіорномъ сама апіорная мысль? А въ связи съ нимъ возникаетъ вопросъ: какъ возможны гносеологія и какъ возможна сама „Критика чистаго разума"? Не есть-ли критицизмъ только эмпиризмъ, ибо всякое познаніе, въ томъ числѣ и критицизмъ, есть опытное познаніе; но если „Кр. ч. р." есть познаніе надъ-опыт-

ное, то значить возможно сверхъ-эмпирическое познание и вся аргументация *Кр. ч. р.* вращается въ „*circulus vitiosus*“. На всѣ эти недоумѣнія можно отвѣтить слѣдующимъ образомъ: Къ сожалѣнію, въ предѣлахъ самой критической философіи они трудно разрѣшимы въ виду неясныхъ, а подчасъ и противорѣчивыхъ мнѣній самого Канта; однако, каково бы ни было рѣшеніе этихъ недоумѣній, одно мы можемъ признать несомнѣннымъ—это то, что Кантъ самъ ясно и опредѣленно высказался о своемъ методѣ, какъ основѣ гносеологии.

Изъ всѣхъ же толкованій этого метода наиболѣе яснымъ и согласнымъ съ духомъ Кантовой системы является толкованіе марбургской школы Кантіанства, къ каковой школѣ (правда, не во всѣхъ пунктахъ) осмѣливается примкнуть авторъ настоящей статьи.

---

## ГЛАВА 3.

### Марбургская школа Кантіанства.

Прежде было сказано нами, что критицизмъ, какъ философское направленіе, слагается изъ трехъ элементовъ: оправданія математики, ограниченія познанія опытомъ и гносеологическаго методизма. Какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, въ концѣ концовъ сущность его сводится главнымъ образомъ къ методизму т. е. къ ученію о методѣ.

#### **Оправданіе математики и проблемы философіи математики.**

Подъ оправданіемъ математики принято разумѣть выясненіе ея сущности съ философской точки зрѣнія: вѣдь математика сама въ себѣ находитъ оправданіе. Выясненіе же

сущности математики составляет предметъ особой философской науки, части общей гносеологіи—именно философіи математики.

Проблемы этой науки, еще совершенно не приведенной въ систему, слѣдующія: происхожденіе геометрическихъ аксіомъ, интуиція и логика въ математикѣ, обоснованія (*Begründung*) математики, границы примѣненія математики, ея значеніе въ системѣ наукъ и для философіи, философскія предпосылки математики, философскія послѣдствія вытекающія изъ выясненія ея сущности и основъ, сущность геометрическихъ аксіомъ, примѣненіе математики къ естествознанію, пространство и измѣреній и мета математика, алгебра логики и логическое счисленіе, теорія формъ и многообразій Грассмана, Римана, Ганкеля, число и его происхожденіе и т. д. Въ связи съ ними — вопросъ о логическомъ или же интуитивномъ характерѣ математики.

Кантово воззрѣніе на математику слѣдующее: математика есть наука, главными принципами которой являются пространство и время, какъ апріорныя формы интуиціи; ея основной характеръ — интуитивность и синтетичность. Противъ интуитивности математики выступаютъ защитники ея логическаго характера, напр. франц. математикъ Couturat въ соч. „Философія математики“. Въ связи съ трактованіемъ проблемъ философіи математики въ духѣ Канта есть разборъ ихъ почти внѣ вліянія Канта. Такъ, проф. Д. Д. Мордухай-Болтовской въ своихъ „Лекціяхъ по философіи математики“ рассматриваетъ слѣдующія проблемы: 1) логику и математику т. е. вопросъ объ опредѣленіяхъ и аксіомахъ, о логикѣ предложеній и логикѣ классовъ, 2) гносеологію математики: метагеометрію, эмпиризмъ и идеализмъ, 3) психологію математики: источники математическихъ ошибокъ, психо-физическій законъ и др., 4) метафизику математики: парадоксы безконечнаго, антиноміи Канта, атомъ и безконечно-малое, 5) исторію математики, 6) педагогику математики. Спеціально вопроса о пространствѣ касается проф. Г. И. Челпановъ во 2-ой части соч. „Воспріятіе пространства“.

Резюмируя возраженія математиковъ противъ философіи математики мы выразимъ ихъ такъ: математика не нуждается въ философскомъ обоснованіи, такъ какъ никакое обоснованіе математики не будетъ очевидно непосредственной очевидности аксіомъ. Вѣдь для математики важна не сущность аксіомъ, а важно то, что съ ними можно оперировать, какъ напр. со многими величинами и трансфинитными числами. Мета-математика есть не математика, а метафизика. Но предоставимъ математикамъ рѣшать вопросъ по своему. Мы же, разсуждая о философскомъ предметѣ съ философской точки зрѣнія, осмѣливаемся имѣть и свое сужденіе въ этомъ вопросѣ: философія математики есть особая вполне законная философская дисциплина, такъ какъ ея предметъ не совпадаетъ съ предметомъ математики. На развитіе этой особой дисциплины несомнѣнно всегда вліяло развитіе математики, какъ и вообще изъ всѣхъ наукъ наибольшее вліяніе на гносеологію оказала именно математика, что видно изъ сочиненій Декарта, Лейбница, Канта, Больцана (*Wissenschaftslehre*), Когена и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ не признаться, что пока еще не существуетъ системы гносеологіи и философіи математики.

Мы уже сказали, какъ Кантъ смотритъ на сущность математики. Это пониманіе сущности ея неразрывно связано со 2 моментомъ его гносеологіи, именно съ ограниченіемъ познанія предѣлами опыта. Здѣсь связь этихъ 2 моментовъ несомнѣнна: вѣдь пространство и время суть формы сознанія, слѣд. явленій или представленій. Поэтому и познаніе ограничено лишь явленіями или представленіями.

Обоснованіе же этихъ воззрѣній Кантомъ тѣсно связано съ его критическимъ методомъ.

Главнымъ трудомъ трактующимъ этотъ методъ наиболѣе ясно и съ громадной глубиной анализа является трудъ основателя Марбургской школы Кантіанства — Германа Когена подъ заглавіемъ „*Logik der reinen Erkenntniss* (вышло 2 изданія; второе—по существу не отличается отъ перваго; къ нему *index Görland'a*). Учениками его, недавно выпустив-